

DOI: 10.31696/S086919080033974-8

МИГРАЦИЯ ГУЗЗОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XII в.
ПО ДАННЫМ МУСУЛЬМАНСКИХ ИСТОЧНИКОВ¹

© 2025

Д.М. ТИМОХИН ^a

^a – Институт лингвистических исследований РАН (ИЛИ РАН),
Санкт-Петербург, Россия
ORCID: 0000-0002-9093-5269; horezm83@mail.ru

Резюме: В статье анализируется пример миграции кочевых тюркских племен восточного Дешт-и Кыпчака во второй половине XII в. по данным мусульманских источников. В качестве объекта исследования нами была рассмотрена миграция гуззов, которые не только стали главными участниками «Огузской смуты» 1153–1156 гг., но проникли в самые разные регионы Хорасана и сопредельных с ним территорий, где смогли закрепиться на сравнительно длительный срок. Цель исследования – проанализировать сведения о миграции гуззов во время «Огузской смуты», так и после ее окончания, в составе мусульманских источников XII–XIII вв. и выделить важнейшие последствия этих миграционных процессов. Автор использовал в своей работе широкий круг мусульманских исторических текстов как домонгольского периода, так и эпохи монгольского нашествия, содержащих сведения по интересующей нас проблематике. Особое внимание было уделено памятникам XII в., которые сравнительно редко привлекались исследователями для анализа миграции кочевых тюркских племен – это прежде всего сочинение Наджм ад-Дина Абу-л-Резы ал-Кумми и Афзал ад-Дина Кермани. Именно эти два автора приводят наиболее интересные сведения относительно миграции гуззов в отдаленные регионы Ирана после событий 1153–1156 гг. и фиксируют создание ими собственных политических образований. Сведения из этих источников были соотнесены с данными других мусульманских памятников XII–XIII вв. для того, чтобы выстроить целостную картину тех миграционных процессов, которые происходили во второй половине XII в. на фоне гибели державы Сельджуков Хорасана. Анализ сведений из мусульманских источников XII–XIII вв. позволяет сделать вывод о том, что часть племенного объединения гуззов, известная также как «кара-гуззы», после событий 1153–1156 гг. мигрировала в Керман, где не только сумела закрепиться, но и создать собственную династию, пусть и совсем недолговечную.

Ключевые слова: гуззы, мусульманские исторические сочинения, Санджар, Керман, Дешт-и Кыпчак, Хорасан

Для цитирования: Тимохин Д.М. Миграция гуззов во второй половине XII в. по данным мусульманских источников. *Восток (Oriens)*. 2025. № 2. С. 35–46. DOI: 10.31696/S086919080033974-8

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00659 «Тюрко-монгольский мир Центральной Азии: языковые, исторические, этнокультурные процессы в диахронии и синхронии» <https://rscf.ru/project/23-18-00659/>, ИЛИ РАН.

MIGRATION OF THE GUZZ IN THE SECOND HALF OF THE 12TH CENTURY ACCORDING TO MUSLIM SOURCES²

© 2025

Dmitriy M. TIMOKHIN^a

^a – Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russia
ORCID: 0000-0002-9093-5269; horezm83@mail.ru

Abstract: *The article analyzes the example of migration of nomadic Turkic tribes from eastern Desht-i Qipchak in the second half of the 12th century as presented in Muslim sources. The object of the study is migration of the Guzz tribe, who not only became the main participants in the “Oguz Unrest” of 1153–1156, but penetrated into various regions of Khorasan and adjacent territories, where they were holding a foothold for a relatively long time. The purpose of the study is to analyze information about the migration of the Guzz during the “Oguz Unrest” contained in Muslim sources of the 12th - 13th centuries, and highlight the most important consequences of these migration processes. The author used a wide range of Muslim historical texts from both the pre-Mongol period and the era of the Mongol invasion, containing information on the issues of interest. Special attention was paid to the 12th century texts, which have been scarcely used by researchers to analyze the migration of nomadic Turkic tribes – primarily the works by Najm al-Din Abu'l-Reza al-Kummi and Afzal al-Din Kermani. These two authors provide the most interesting information about the migration of the Guzz to remote regions of Iran after the events of 1153–1156 and record the creation of their own political entities. Information from these sources was correlated with data from other Muslim written sources in order to build a comprehensive picture of the migration processes.*

Keywords: Guzz, Muslim historical writings, Sanjar, Kerman, Desht-i Qipchak, Khorasan

For citation: Timokhin D.M. Migration of the Guzz in the Second Half of the 12th Century According to Muslim Sources. *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 2. Pp. 35–46. DOI: 10.31696/S086919080033974-8

События 1153–1156 гг. в истории Хорасана и Мавераннахра известны, как «Огузская смута», были так обозначены уже С.Г. Агаджановым [Агаджанов, 1973, с. 131]. Впрочем, его внимательно изучали и другие исследователи, начиная с В.В. Бартольда [Агаджанов, 1969; 1973; Бартольд, 1963, с. 43–601; Буниятов, 1986; Ахинжанов, 1995], и сам автор этой статьи посвятил этому событию более раннюю специальную работу [Тимохин, 2023(2)]. Поэтому лишь кратко обозначим основные моменты, связанные с данным историческим событием и отметим причину, по которой «гуззы/огузы/غوز» мигрируют из Мавераннахра³ в Балх, что приведет к их восстанию [Kermānī, 1947, s. 27]. С.Г. Агаджанов считает, что

² The research was supported by Russian Science Foundation, project No. 23-18-00659, <https://rscf.ru/en/project-23-18-00659/>, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences.

³ Нахождение гуззов в Мавераннахре мусульманскими авторами описывается скупо, но они совершенно точно присутствуют здесь в первой половине XII в. Сами гуззы были причиной более ранних волн миграции кочевых племен, как об этом сообщает Мухаммад ибн Наджиб Багран. «Мангышлак (منقشلاق). Тюркское племя. По причине раздоров, которые произошли между ними и гуззами, они покинули место своего проживания и ушли в область Сийах-кух (سياه کوه), которая находится рядом с морем Абескун (ابيسکون). Там они нашли источники чистой воды и пастбища, так что там остановились жить. Их называют племенем мангышлак, а их правителя именуют ханом» [Багран, 1960, л. 17а].

миграции была вызвана давлением со стороны карлуков и кара-китаев на представителей гузского племенного союза, что привело к их переселению в область Балха, а затем – в Саганиан и Хутталан [Агаджанов, 1973, с. 131]. Действительно, присутствие карлуков в Мавераннахре и их союз с кара-китаями, особенно после победы над армией султана Му'изз ад-Дина Абу-л-Хариса Ахмада Санджара (1118–1157) в 1141 г. на Катаванской равнине существенно изменили расклад сил в этом регионе [Тимохин, 2023(1)]. Вплоть начала 1160-х гг., именно карлуки составляли основную массу кочевников Мавераннахры, вытеснив оттуда практически всех конкурентов [Тимохин, 2024]. Что же касается гуззов, то их переселение в земли Балха первоначально не предвещало проблем для султана Санджара, а сами эти кочевники считали себя «личными подданными султана (*раййат-и хасс*)» [Агаджанов, 1973, с. 132], что не избавило их от произвола наместников сельджукского правителя, а это, в свою очередь, – главная причина восстания гуззов в 1153 г.

В качестве одного из главных виновников конфликта в мусульманских источниках фигурирует наместник султана, эмир Кумач: согласно Ибн ал-Асиру кочевники попытались откупиться от этого наместника, но после неудачных переговоров были вынуждены оказать вооруженное сопротивление и разбили Кумача [Ibn-el-Athiri, 1876, s. 116–117]. Кумач бежал в Мерв ко двору султана, при этом сам Санджар, по мнению отдельных мусульманских историков, не стремился к вооруженному конфликту, однако под давлением приближенных все-таки решился на сражение с гуззами и был разбит [*Histoire des seldjoudes*, 1889, s. 281–283; Ravandi, 1921, s. 177–179; *Материалы по истории туркмен*, 1939, с. 323, 355–356; Nishaburi, 1953, s. 48–49; ал-Хусайни, 1980, с. 113]. После этого султан Санджар попадает в плен к восставшим, которые от его имени пытаются управлять землями Хорасана, требуют подчинения от оседлого населения, которое в то же время подвергается с их стороны грабежу и насилию, якобы по воле сельджукского монарха [Ravandi, 1921, s. 179; *Материалы по истории туркмен*, 1939, с. 324, 356; *Histoire des seldjoudes*, 1889, s. 283]. На этом фоне региональные лидеры, до этого момента признававшие себя подданными султана Санджара, заявляют о своей независимости и, под предлогом войны с гуззами, начинают захватывать территории в Хорасане и Мавераннахре [al-Qummi, 1985, s. 235]. Среди них можно выделить правителей Хорезма и Гуридских султанов, чьи интересы сталкиваются в землях Хорасана, а также – усиление кара-китайского присутствия в Мавераннахре. Поэтому вряд ли можно найти лучшее определение для событий политической истории этих регионов в середине XII в., чем «смута». Как нами отмечалось выше, исследователи, начиная с трудов В.В. Бартольда, обращали внимание на «огузскую смуту» как на борьбу политических сил, которые воспользовались вакуумом власти в Хорасане. Однако у этого события было еще одно последствие, гораздо менее изученное специалистами, а именно – массовые миграции кочевых племен, прежде всего представляющих, собственно, гузский племенной союз, в пределы оседлых регионов.

Этот миграционный процесс был обусловлен, разумеется, как самой этой победой, так и тем «вакуумом власти», который образовался в Хорасане после того, как сельджукский султан оказался в плену у гуззов. Последними, по мнению мусульманских историков, двигало не столько желание покорить новые территории, сколько стремление разграбить наиболее крупные и богатые города Хорасана [Ибн ал-Асир, 2006, с. 254–255]. «Гузы 3 дня без перерыва грабили Мерв, который был столицей со времен Чагры-бека и столько времени наполнялся запасами,кладами, сокровищами царей и эмиров государства. В первый день они грабили золотые, серебряные и шелковые предметы; на второй – бронзовые, медные и железные. На третий день растаскивали подушки и постели, глиняные кувшины и бочки, двери и деревянные предметы. Большинство жителей города взяли в плен. После грабежей подвергали (жителей) пыткам, пока они не открывали спрятанное. Они не оставили ни-

чего ни на земле, ни под землей» [*Материалы по истории туркмен*, 1939, с. 356; см. также: Ravandi, 1921, s. 180]⁴. Гуззы в большей степени интересовались грабежом и добычей, которые они могли получить в крупных городах, но в случае упорного сопротивления гарнизонов кочевники обычно отступали, как это было, например, в Герате [Ibn-el-Athiri, 1876, s. 120–121]. При этом маршрут передвижения гуззов в этот период можно легко реконструировать на основании сведений из домонгольских исторических сочинений: в частности, Ибн ал-Асир указывает, что после поражения султана Санджара гуззы сначала разграбили Мерв, затем Тус и Нишапур, Джувайн и Исфараин [Ibn-el-Athiri, 1876, s. 120]. Затем часть из них вернулась в Нишапур, а другая направилась к Герату, но этот город им взять не удалось [Ibn-el-Athiri, 1876, s. 121; Ибн ал-Асир, 2006, с. 256].

Отсутствие четкого плана действий у гуззов было обусловлено тем, что с политической точки зрения они не представляли собой единого целого – скорее это был союз племен с несколькими вождями, которые объединились против султана Санджара, однако после победы разделились вновь и каждый из предводителей действовал сам по себе. Имена этих племенных вождей прекрасно известны благодаря тем же самым мусульманским авторам: так, например, Ибн ал-Асир упоминает таких предводителей гуззов, как Динар, Бахтийяр, Тути, Арслан, Чагыр (Чагры?) и Махмуд [Ибн ал-Асир, 2006, с. 250]⁵. Отсутствие единого предводителя приводит к тому, что военные отряды гуззов действовали почти по всей территории Хорасана, сея смерть и разрушения, но в случае появления серьезного противника, каждый из предводителей должен был сразаться только своими силами.

Таким образом, в период с 1153 по 1156 г. гуззов от полного уничтожения спасали два фактора: у них в плену находился султан Санджар, а его преемник на троне Сельджукидов Хорасана оказался совершенно ни на что не способным правителем: Ибн ал-Асир характеризует этого наследника Санджара, как слабого политика, ведущего разгульный образ жизни [Ibn-el-Athiri, 1876, s. 121]⁶. Второй важный момент – против гуззов не была сформирована коалиции из региональных лидеров несмотря на то, что они представляли угрозу для земель Хорасана и сопредельных регионов. Наджм ад-Дин ал-Кумми весьма туманно сообщает о том, что подобное хотел предпринять хорезмшах ‘Ала’ ад-Дин Атсыз (1127/1128–1156) [al-Qummi, 1985, s. 235]. Хотелось бы выдвинуть предположение: до определенного момента действия гуззов в Хорасане могли быть выгодны региональным лидерам, поскольку, используя «огузскую смуту», они сами могли разорять Хорасан и его города. Тот же Ибн ал-Асир указывает на то, что и у гуззов, и войск Хорасана не было единого руководителя, а главной целью у тех и у других был грабеж населения [Ibn-el-Athiri, 1876, s. 138–139].

Ибн ал-Асир помещает рассказ об этой ситуации в главу о событиях 551 г.х., то есть речь идет о 1156–1157 гг., когда султан Санджар сумел бежать из гуззского плена и захватить Мерв, свою столицу, однако его возвращение не изменило ситуацию в регионе. После его смерти в 1157 г. Хорасан станет полем борьбы между хорезмийскими правителями и

⁴ О разорении отдельных регионов Хорасана см.: [*Материалы по истории туркмен*, 1939, с. 347–348].

⁵ В главе, посвященной этим событиям, Ибн ал-Асир указывает, что уже описывал миграцию гуззов из Мавераннахра и участие в этом карлуков и кара-китаев. Однако П.Г. Булгаков и Ш.С. Камолитдин подчеркивают, что при описании более ранних событий в «ал-Камил фи-т-тарих» ничего не сообщается о переселении гуззов из Мавераннахра в Хорасан под давлением кара-китаев [Ибн ал-Асир, 2006, с. 452, комм. 2]. В свою очередь, ал-Кумми приводит указание на битву кара-китаев с гуззами [al-Qummi, 1985, s. 204], однако отсутствие датировки затрудняет локализацию данного сражения. Вероятно, речь идет о вынужденной миграции, которая была спровоцирована не столько приходом в этот регион кара-китаев, сколько их союзников – карлуков. Другой причиной могла стать битва на Катаванской равнине, которая еще больше усилила в Мавераннахре карлукское присутствие [Тимохин, 2024].

⁶ Об этом правителе пишет и ал-Кумми, подчеркивая, что Сулайман-шах правил в Хорасане пока Санджар терпел «невзгоды и унижения» гуззского плена [al-Qummi, 1985, s. 174–175].

Гуридами, в которую будут вовлечены и гуззы, что способствует новым волнам их миграции. Весьма красочно положение дел в Хорасане к 1157 г. описывает Наджм ад-Дин ал-Кумми. *«Дела Хорасана: после трагедии султана Санджара, чья слава была сравнима с его внушающим ужас мечом, проливающим кровь, дело как нить спутанная распуталась и вернулась обратно. Поражения султана Санджара были хуже, чем поражение зеркала: зеркало если наступает сильный холод может не устоять и от холода рассыпаться и распасться на осколки. Поражение его было подобно несчастью девушки, которая не приложила никаких усилий, чтобы сохранить добродетель, а муж ее [узнав об этом] лишил жизни. Никто не мог предположить, что гуззы (غز) войска султана Санджара разобьют, равно как никто не мог представить, что гуззы его на престол султана вновь насильно посадят. Люди считали, что ночь горести его сменится днем, не знали они, что конец жизни султана так же близок, как рассвет, скрывающийся за низкими тучами для незнающих, что наступает новый день»* [al-Qummi, 1985, s. 235].

Возвращаясь к истории гуззов после 1157 г., отметим, что этот племенной союз неоднократно становится важной военной силой в борьбе за власть в Хорасане: этих кочевников как нанимают на службу, так и сами они активно предлагают свои услуги то одному, то другому правителю [Ibn-el-Athiri, 1876, s. 152–154]. Такого рода действия гуззов приводили, несомненно, к сокращению их военной мощи, хотя бы по причине потерь, которые они несли в сражениях. В то же время это приводило к тому, что данный племенной союз мигрировал из Хорасана в весьма отдаленные регионы Ирана, например в Мазандаран⁷: сражение с местным правителем закончилось не в пользу гуззов, однако они сумели разграбить многие земли, прежде чем вернуться в Хорасан [Ibn-el-Athiri, 1876, s. 172–173; Бартольд, 1963, с. 398]. Очевидно, что именно этот регион был важным центром сосредоточения основных сил гуззов, откуда они делали набеги на соседние земли, и локальные правители были крайне заинтересованы в ликвидации «гуззской проблемы», которая была в итоге решена изгнанным из Хорезма сыном хорезмшаха Абу-л-Фатха Ил-Арслана (1156–1172) – Султан-шахом Махмудом. Он окончательно ликвидировал остатки гуззского присутствия в этих землях, заставив часть этих кочевников перейти к нему на службу, а других – навсегда покинуть Хорасан [Ибн ал-Асир, 2006, с. 272–273]. Во главе последних выступал один из упомянутых Ибн ал-Асиром гуззских эмиров, которого тот называет Динаром, а в историографии он известен как «Малик Динар ибн Мухаммад» [Bosworth, 1996]. С именем этого предводителя связана наиболее интересная и наименее изученная исследователями миграция гуззов из пределов Хорасана в Керман.

В отличие от перипетий «Огузской смуты» 1153–1156 гг., вокруг миграции гуззов в Керман не сложилось обширной историографии: помимо упомянутой работы С.Г. Агаджанова, где особенности ухода гуззов в Керман и их присутствие в этом регионе рассматриваются достаточно подробно [Агаджанов, 1969, с. 241–245], можно назвать статью К.Э. Босуорта для “The Encyclopaedia Iranica”, которая посвящена личности одного из гуззских предводителей и основателя династии правителей Кермана – Малику Динару [Bosworth, 1996]. В турецкой историографии отметим работы Ф. Сюмера и Э. Мерчила, которые посвящают присутствию гуззов в Кермане отдельные разделы в своих исследованиях: разница лишь в том, что первый рассматривает их контексте истории гуззов как племенного союза, а второй – в связи с их противостоянием Сельджукидам Кермана [Köymen, 1943; Sümer, 1972, s. 123–126; Merçil, 1989, s. 114–124; Roosta, 2019]. При этом даже в «Туркестане в эпоху монгольского нашествия» данная миграция кочевников практически не рассматривается, а предпочтение отдается анализу политической борьбы за «сельджукское наследство» в Хорасане во второй половине XII в. [Бартольд, 1963, с. 398–411].

⁷ Ибн ал-Асир относит этот поход к 555 г.х., то есть 1160 г.

Возвращаясь к работам С.Г. Агаджанова, К.Э. Босуорта, Ф. Сюмера и Э. Мерчила, следует обратить внимание, что основным источником для реконструкции политических событий, происходивших в Кермане и участия в них гуззов, были труды Афзал ад-Дина Кермани – «‘Экд ал-‘Ола ле’л-маукеф ал-а’ла» и «Бадайе’ ал-азман фи вакайе’-е Керман» [Kermānī, 1977; 1947]. Оба этих памятника составляют основу «локальной историографии» Кермана [Тимохин, 2023(3)] и во многом повлияли на более поздние сочинения [Mohammad ibn Ibrahim, 1886; Kermānī, 1949]. Особый интерес исследователей к письменному наследию Афзал ад-Дина Кермани обусловлен тем, что он был непосредственным свидетелем миграции гуззов, а первый из указанных текстов, написанный в жанре «княжеского зеркала» (*андарз*) в 1188 г., был посвящен и подарен им самому Малику Динару [A history of Persian literature, 2012, p. 153, comm. 130]. При этом для реконструкции событий в Кермане крайне важен и «Бадайе’ ал-азман», представляющий собой историческую хронику. Впрочем, миграция гуззов в Керман нашла свое отражение и в других памятниках XII – первой половины XIII в., поэтому мы постараемся в этой работе рассмотреть все многообразие сведений по этому поводу.

Так, многократно упомянутый Ибн ал-Асир сообщает об уходе гуззов Керман, опуская при этом подробности этой миграции, и связывает это событие с поражением Малика Динара в политической борьбе, которая развернулась в Хорасане. Примкнув после разгрома в сражении с Султан-шахом Махмудом к правителю Нишапура, Туган-шаху ал-Му’аййиду, предводитель гуззов был вынужден вскоре окончательно покинуть Хорасан и бежать в Керман [Ibn-el-Athiri, 1876, s. 248–249]. В этом рассказе отметим два важных момента: во-первых, этот историк указывает, что уход гуззов в Керман произошел в 582 г.х. или в ближайшие к нему годы. При этом сам рассказ об этом помещен в раздел о событиях 568 г.х. Второй момент касается информатора Ибн ал-Асира: как и во многих других главах, он сам называет автора сочинения, на основании которого была написана часть раздела о событиях 568 г.х. – это сочинение о Абу-л-Хасана Байхаки (Ибн Фундука) «Машариб ат-таджариб ва гавариб ал-гара’иб» [Ibn-el-Athiri, 1876, s. 249]. Сам текст этого сочинения до нас не дошел, однако на него, помимо Ибн ал-Асира, ссылается более поздний Ата-Малик Джувейни в «Тарих-и джахангушай» [Juwaynī, 1916, s. 1]. Впрочем, сложно судить, заимствовал ли Ибн ал-Асир сведения о Малике Динаре у Ибн Фундука или же взял у него рассказ о другом событии 582 г.х., а именно – взятии Нишапура хорезмийцами [Ibn-el-Athiri, 1876, s. 249]. Это событие, впрочем, описывается в «ал-Камил фи-т-тарих» дважды и второй раз на основании текста «*другого ученого [в области] истории*» [Ибн ал-Асир, 2006, с. 273; см.: Ibn-el-Athiri, 1876, s. 249].

Более ранние мусульманские авторы, описывая миграцию гуззов в Керман, далеко не всегда указывают точную датировку этого события. Например, Мухаммад ибн Наджиб Багран пишет следующее: «Гуззы (غز). Изначальным местом обитания гуззов был Тараб (تاراب) и море Джесда по обе стороны реки Чач. После того, как одно из их племен по неизвестной причине удалилось от них в пределы Хамллана (حملان/حملان)⁸, а это один из регионов Балха, и поселились там в эпоху султана благодетеля Санджара ибн Малик-шаха, да осветит Аллах его мавзолей. После этого в году 547 хиджры⁹ они покинули эти места и вторглись в Хорасан, а оттуда ушли в пределы Кермана, да уничтожит Аллах их остатки!» [Багран, 1960, л. 17а]. Здесь автор дает лишь датировку прихода гуззов в Хорасан, при этом ему известно об их последующей миграции, но точного времени ухода их в Керман он не знает. Также стоит обратить внимание на очевидно негативное отно-

⁸ В рукописи «Джахан-наме» данный топоним написан крайне неразборчиво, хотя мы склоняемся к варианту حملان.

⁹ 1152–1153 гг.

шение к этому тюркскому племенному союзу, что роднит рассказ Бакрана с более ранним текстом Наджм ад-Дина ал-Кумми. «О конце дела Гуззов. Они потерпели поражение от неверных и малика Хитая (خطا), так что бежали с поля битвы, голыми ногами наступая на металлические колючки. Подобно псам, осыпаясь упреками. После этого подобно тучам на небе собрались вместе и как потоки воздуха на разные стороны света обрушили свою хитрость. Часть из них ушла в Керман, а [другая часть] земли Газны (Газнин, غزنين), разрезав их на части подобно ножницам. И звезда их с небес спустилась и склонилась к земле. И Керман превратил их в скопище червей, а беспокойство и тревоги, которые они принесли с собой, быстро излечились» [al-Qummi, 1985, s. 235].

Помимо негативного отношения к гуззам, в сообщении ал-Кумми следует подчеркнуть два момента: во-первых, нет точной датировки миграции в Керман. Наряду с Керманом в качестве другой конечной точки маршрута из Хорасана была выбрана Газна, о чем ничего не сообщает уже Ибн ал-Асир и более поздние мусульманские историки, равно как и современные исследователи [Агаджанов, 1969, с. 242–243]. Вероятно, та часть гуззов, которая ушла в Газну, не достигла столь же значимых успехов, как их «керманские» соплеменники, что может объяснить молчание по этому поводу мусульманских историков. Второй момент связан с тем, что ал-Кумми подчеркивает связь между кара-китаями и приходом гуззов в Хорасан, указывая на некое поражение, которое они потерпели «от неверных и малика Хитая». Это не отрицает того факта, что гуззов могли вытеснить из Мавераннахра карлуки, которых ал-Кумми мог назвать «неверными». С учетом известной связи между карлуками и кара-китаями, подобное предположение не лишено определенной логики [Тимохин, 2024]. Впрочем, рассказ ал-Кумми о миграции гуззов не содержит важных деталей и в целом достаточно туманен. Исследователи при реконструкции событий в Хорасане и Кермане обращались преимущественно к текстам Афзал ад-Дина Кермани и его более позднего продолжателя, Мухамада ибн Ибрахима, однако и их сочинения в отношении миграции гуззов вызывают определенные вопросы.

Прежде всего обратим внимание на описание прихода гуззов в Керман в составе «‘Экд ал-‘Ола». «Глава: когда год восемьдесят первый заканчивался и приближался восемьдесят [второй] год¹⁰, глаза кара-гузов (قراغز) обратились в сторону Кермана и все добро Кермана попало к ним в руки, и они разрушили постройки, и внесли сумятицу, и разрушили [все вокруг]. А элита Кермана бежала в город Бардсир (بردسير) и в том месте падишах вместе с несколькими гулямами и незначительным и весьма ограниченным количеством [верных] людей сдерживал угрозу и страдания для райатов. Некий достойный человек от такой ситуации испытал отвращение и по этому поводу дал следующий совет. Он сообщил, что причина бедствий заключается в слабости правителя и мудрецы сказали, что падишах тот, кто войско и райатов пожирает, а не тот падишах, кого собственное войско и райаты съели. Иначе говоря – падишах должен быть подобен грифу, вокруг

¹⁰ В другом месте этого же сочинения мы видим иную датировку прихода гуззов в Керман: «И малик Тураншах (توران شاه) был падишахом уже при жизни собственного отца и [проявлял] мудрость и хитрость и доброе обращение и был защитником, но сладкие речи чужаков, [слышанные им] во время путешествий, изменили его характер и когда пришло время его владычества, предаваясь мечтаниям, которые не мог воплотить в жизнь, лишь принес ущерб во время своего правления. Керман выбивался из сил, и мнение о том, что именно он является источником зла и причиной болезни само по себе укреплялось, однако он даже напротив – ежедневно продолжал совершать плохие поступки в отношении своей державы и пороки амиров государства также удвоились, и заплата ложилась на заплату, и прервалось дыхание, и надежда истребилась. Его помощники из числа амиров и гулямов из-за своего положения, а также по причине того, что многие из его гулямов томились в заточении, из заточения и от наказания бежали и подняли мятеж и таким образом свою судьбу взяли в свои руки. Тогда в месяце мехре шестьдесят восьмого года пришла ярость кара-гузов из безводных степей Хорасана, и в противостоянии с ними войско его было разбито, и его правление было окончено, а сам он руками своих собственных слуг был умерщвлен» [Kermāni, 1977, s. 69–70].

которого падаль, а не падалью – вокруг которой грифы» [Kermānī, 1977, s. 75]. Как уже отмечалось, это сочинение представляет принадлежит к дидактическому жанру, поэтому сложно упрекнуть его автора в большом количестве назидательных сюжетов, путанице с датировкой события и крайне скупой фактологии. Более того, его рассказ о «кара-гуззах» не имеет своего логического завершения и был необходим автору, с нашей точки зрения, лишь как пример бедствия, которое может произойти с державой при плохом правителе.

Важно отметить следующий момент – Афзал ад-Дина Кермани называет гуззов, пришедших в Керман, «кара-гуззами», что не может не вызывать вопросы. Само значения маркера «кара», с учетом этого свидетельства, было рассмотрено нами в специальном исследовании [Тимохин, Тишин, 2024], а здесь лишь подчеркнем, что такой термин не встречается у мусульманских историков применительно к завоеванию Кермана гуззами. Единственным исключением здесь будет Фахр-е Модаббер, который упоминает «кара-гуззов» в своем списке тюркских племен в варианте «فرا غوز» [*Ta'rikh-i Fakhru'd-Din Mubarakshāh*, 1927, s. 47]. При этом у позднего продолжателя Афзал ад-Дина Кермани, Мухаммада ибн Ибрахима, есть подобный рассказ о междоусобице в Кермане и вторжении в его пределы кочевников, которое он связывает с событиями огузской смуты 1153 г., однако у него упоминаются лишь гуззы [Mohammad ibn Ibrahim, 1886, s. 120–121]. Еще более усложняет ситуацию, что в своем уже историческом сочинении Афзал ад-Дина Кермани также не упоминает «кара-гуззов», а пишет вслед за своими современниками и продолжателями – гуззы [Kermānī, 1947, s. 87]. Таким образом, использование в тексте «'Экд ал-'Ола» маркера «кара-гуззы» – уникальный историографический феномен, требующий пристального внимания исследователей. Что касается интересующих нас сюжетов, то в составе «Бадайе' ал-азман» сведений о миграции гуззов в Керман значительно больше: для этого выделен отдельный раздел, названный «Рассказ о приходе племени гуззов в Керман из Хорасана» [Kermānī, 1947, s. 87], в котором мы также видим датировку этого события 568 г.х.¹¹

«Когда наступил месяц мехр пятьсот шестьдесят восьмого года от пределов Кубнана (كوبنان) пришла весть о том, что Султан-шах [Махмуд] изгнал гуззов из области Серахса и некоторое количество из них направилось в Керман. И вслед за этим весть пришла, что они в путь двинулись: пять тысяч крепких всадников вместе с женами и бесчисленными детьми. Но все они были разоренными и униженными, обездоленными и побежденными, нагие и ограбленные за два или три дня они окрестности Кубнана предали разорению и все, до чего их руки дотянулись, было ими присвоено» [Kermānī, 1947, s. 87]. Стоит отметить несколько важных моментов: прежде всего, приход гуззов в Керман напрямую связан с поражением от войск Султан-шаха Махмуда, на что обратил внимание уже С.Г. Агаджанов [Агаджанов, 1973, с. 242]. Впрочем, реконструируя историю вторжения гуззов в пределы Кермана по текстам Афзал ад-Дина Кермани и Мухаммада ибн Ибрахима, он ничего не сообщает относительно разорения Кубнана, но указывает при этом на бедственное положение гуззов накануне этого события, которое подробно описано в «Бадайе' ал-азман». Также вызывает вопросы упоминание трех вождей гуззов, чьи имена С.Г. Агаджанов приводит как: «Семсам, Булак и Кайсар-бек» [Агаджанов, 1973, с. 242]. У Афзал ад-Дина Кермани вначале упоминается последний из этих трех, которого автор описывает как «безжалостный, незнающий Бога, амир по имени Кайсар-бек (قیصر یک)», от имени которого направляется послание к правителю Кермана, Туран-шаху [Kermānī, 1947, s. 88]. Двое остальных упоминаются как командующие осадой – «Самсам (صمصام) и Балак (بلاغ), которые были окружены свитой и вышеуказанными амирами, окружили их [в городе]» [Kermānī, 1947, s. 88]. Можно предположить, что в ходе этого вторжения в Керман именно Кайсар-бек возглавлял поход, а двое остальных были у него в подчинении. Впрочем, нельзя не согла-

¹¹ 1172–1173 гг.

ситься с общей характеристикой первой волны вторжения гуззов в Керман, которая имела крайне разрушительные последствия [Агаджанов, 1973, с. 243]. С.Г. Агаджанов отмечает процесс сближения верхушки гуззов с местной элитой и неудачную попытку наладить совместное управление этими землями, чему положил конец прибывший в Керман Малик Динар [Mohammad ibn Ibrahim, 1886, s. 107–108; Kermānī, 1947, s. 88–89; Агаджанов, 1973, с. 243].

В данном случае действия гуззов и их предводителей во многом похожи на то, что было в Хорасане, когда после сражения в 1153 г. султан Санджар попадает к ним в плен. Гуззы стараются править новыми территориями через посредничество местных правителей: в случае с Хорасаном плененный сельджукский султан лишь номинально управляет своими бывшими подданными, а в Кермане мы наблюдаем попытку договориться с местной знатью о том, от чьего лица гуззы будут управлять новыми землями. Отличия заключаются в том, что ситуация в обоих регионах складывалась для кочевников по-разному: в Хорасане вместо Санджара был выбран новый сельджукский султан, а региональные лидеры либо использовали гуззов в своих интересах, либо относились к ним враждебно. А после бегства султана Санджара из плена договориться с ним или его преемниками гуззам не удалось. В Кермане Туран-шах оказался фигурой неудобной даже для собственных подданных и, если С.Г. Агаджанов подчеркивает внезапность его смерти, то автор «‘Экд ал-‘Ола» пишет: *«В противостоянии с ними (т.е. гуззами. – Д.Т.) войско его было разбито и его правление было окончено, а сам он руками своих собственных слуг был умерщвлен»* [Kermānī, 1977, s. 70]. Ситуация для гуззов и здесь могла сложиться неблагоприятным образом, однако появление Малика Динара изменило ситуацию и позволило этим кочевникам закрепиться в Кермане.

Афзал ад-Дин Кермани дает такую характеристику Малику Динару: *«Пятый о котором мы хотели бы [рассказать] о служении малику Динару подготовленного к невзгодам и чей ковер целовали высокие аристократы, поскольку он даровал закон своим рабам. В его правления я допущен был в дворец правителей благодаря редкой и замечательной милости, который был недостойн. Скорбь изгнания и расставания с родиной и разлука с многочисленной семьей и обман в делах меня с его стороны никоим образом не коснулись»* [Kermānī, 1977, s. 61]. С.Г. Агаджанов, хотя и не приводит полностью данную цитату, считает ее вполне отражающей реальное положение дел, а именно – стабилизацию обстановки после его прихода к власти и видит в действиях данного предводителя повторение опыта Сельджукидов [Агаджанов, 1973, с. 243–244]. Безусловно, Афзал ад-Дин Кермани был лицом заинтересованным, и его эпитеты в адрес Малика Динара объясняются этим, однако перечисление фактов в «Бадайе’ ал-азман» и свидетельства более позднего Мухаммада ибн Ибрахима заставляют склоняться к тому, чтобы признать важную роль этого правителя в наведении порядка и временному процветанию Кермана [Kermānī, 1947, s. 107–108]. Однако уже при жизни Малика Динара мы наблюдаем в Кермане новое восстание гуззов [Mohammad ibn Ibrahim, 1886, s. 160–161], которое в итоге уничтожило только начавшую свою историю династию и ввергнувшую регион в состояние новой войны [Mohammad ibn Ibrahim, 1886, s. 162–166]. При этом сами гуззы будут играть в этом весьма деятельную роль, что подчеркивает Мухаммад ибн Ибрахим [Mohammad ibn Ibrahim, 1886, s. 167–168], а сам Керман со временем будет подчинен набирающей силу Хорезмийской державой при правлении ‘Ала’ ад-Дина Мухаммада (1200–1220) [Ibn-el-Athiri, 1853, s. 198–199].

История миграции гуззов во второй половине XII в. подробно описана в мусульманских источниках, однако присутствие в Кермане требует дополнительного изучения. Первоначальной причиной переселения гуззов из Мавераннахра в Хорасан стало давление со стороны кара-китаев, которые оказывали его посредством карлуков, ставших важным

инструментом для укрепления власти кара-китайских правителей в Мавераннахре. Гуззы же попытались наладить мирные отношения с региональными наместниками Хорасана и султаном Санджаром, однако недальновидная политика последнего привела к сражению 1153 г. и последовавшими годами «огузской смуты», полностью опустошившей регион. Вполне справедливо его описание после этих событий у ал-Кумми: *«Судьба Хорасана остается темной, так что завтрашний день для него не наступил. Когда же в те земли покой наконец придет, никто из прославленных людей не знает. Это бедствие было подобно ночи, когда начинается тьма и на небе не видно ни одной звезды»* [al-Qummi, 1985, s. 234]. После смерти султана Санджара в 1157 г. за земли Хорасана разгорается борьба между державой Гуридов и Хорезмом, в которую активно вмешиваются и кара-китай. Гуззы же добавляют этой ситуации определенный градус нестабильности, так что, несмотря на использование их военной мощи различными политическими силами, они были ослаблены в постоянных конфликтах и окончательно разбиты Султан-шахом Махмудом, что вынудило часть из них бежать в Керман в 568 г.х., а других – в пределы Газны.

Миграция гуззов в Керман осуществлялась в несколько этапов, и наиболее раннее переселение следует датировать 568 г.х. В отличие от ситуации в Хорасане миграция гуззов в Керман сразу же превратилась в нескончаемый грабеж этих земель и фактически уничтожила здесь власть последних сельджукских правителей. При этом вторая волна переселения гуззов во главе с Маликом Динаром датируется уже 582 г.х.: к этому времени Керман погрузился в пучину междоусобной войны, что облегчило задачу по захвату власти для этого предводителя. Малик Динар сумел не только захватить власть, но и наладить на короткий срок успешное управление, стабилизировать политическую и экономическую обстановку. Однако новое гуззское волнение положило конец короткому периоду стабильности и процветания, привело к новой междоусобице и усилило влияние соседних держав, что привело к захвату Кермана хорезмийским правителем.

Гуззы пытались разным способом закрепиться на новых территориях: в начале переселения в Хорасан это мирное сосуществование с оседлым населением, прерванное не по вине кочевников. Уже на этом этапе происходит превращение гуззов в политическую силу, чья единственная цель – грабеж новых территорий. Однако это излишне упрощенный взгляд на вещи: уже в Хорасане гуззы пытаются легализовать свое присутствие за счет авторитета правителя, в данном случае султана Санджара. Безусловно, удерживая его в своем плену, они продолжали грабеж местного населения, однако использование той же методики в Кермане говорит в пользу того, что таким образом гуззы пытались инкорпорировать себя в политическую систему нового местопребывания. Обе попытки закончились провалом, однако очевиден схожий метод действий: оставить у власти правителя удобного и местной элите, и гуззам, а затем править от его имени. В Кермане был опробован новый механизм, а именно – захват власти собственно гуззским правителем, который, вероятно, также должен был действовать в интересах и кочевого, и оседлого населения, однако, несмотря на первоначальный успех, сами же гуззы прервали правление новой династии. Как показывает данное исследование, кочевой элемент активно инкорпорировался в состав разных оседлых держав Мавераннахра, Хорасана и сопредельных с ними регионов во второй половине XII в., среди которых наибольших успехов добились хорезмийские правители. Однако история миграции гуззов демонстрирует важные особенности этого процесса, которые могут оказаться полезны исследователям взаимодействия кочевых и оседлых культур Центральной Азии в домонгольский период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Агаджанов С.Г. *Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв.* Ашхабад: Ылым, 1969 [Agadzhanov S.G. *Essays on the History of the Oghuz and Turkmens of Central Asia, 9th–13th Centuries.* Ashkhabad: Ylym, 1969 (in Russian)].

Агаджанов С.Г. *Сельджукиды и Туркмения в XI–XII вв.* Ашхабад: Ылым, 1973 [Agadzhanov S.G. *Seljukids and Turkmenistan in the 11th–12th Centuries.* Ashgabat: Ylym, 1973 (in Russian)].

Ахинжанов С.М. *Кипчаки в истории средневекового Казахстана.* Алма-ата: Ылым, 1995 [Akhinzhanov S.M. *Kipchaks in the History of Medieval Kazakhstan.* Alma-Ata: Gylm, 1995 (in Russian)].

Бартольд В.В. *Сочинения. Т. I: Туркестан в эпоху монгольского нашествия.* М.: Наука, 1963. [Bartold V.V. *Works. Vol. I: Turkestan in the Era of the Mongol Invasion.* Moscow: Nauka, 1963 (in Russian)].

Буниятов З.М. *Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов (1097–1231).* М.: Наука, 1986 [Buniyatov Z.M. *The Khorezm State of Anushteginids (1097–1231).* Moscow: Nauka, 1986 (in Russian)].

Ибн ал-Асир. «*Ал-Камил фи-т-тарих*» «*Полный свод по истории*». Избранные отрывки. Пер. П.Г. Булгакова, Ш.С. Камолитдина. Ташкент: Узбекистан, 2006 [Ibn al-Athir. “*Al-Kamil fi-t-Tarikh*” “*The Complete History*”. *Selected passages.* P.G. Bulgakov, Sh.S. Kamoliddin (tr.) Tashkent: Uzbekistan, 2006 (Russian translation)].

Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I: Арабские и персидские источники VII–XV вв. Под ред. С.Л. Волина, А.А. Ромаскевича и А.Ю. Якубовского. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1939 [Materials on the History of Turkmens and Turkmenistan. T. I: Arabic and Persian Sources of the 7th–15th centuries. S.L. Volin, A.A. Romaskevich, A.Y. Yakubovsky (eds.) Moscow; Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1939 (in Russian)].

Мухаммад ибн Наджиб Бакран. *Джахан-наме* («*Книга о мире*»). Издание текста, введение и указатели Ю.Е. Борщевского. М.: ГРВЛ, 1960 [Muhammad ibn Najib Bakran. *Jahan-nameh* (“*The Book of the World*”). Yu.E. Borshchevsky (ed.) Moscow: GRVL, 1960 (in Persian)].

Садр ад-Дин ‘Али ал-Хусайни. *Ахбар ад-Даулат ас-Селджукиййа (Зубдат ат-таварих фи ахбар ал-умара ва-л-мулк ас-селджукиййа)* («*Сообщения о Сельджукомском государстве*». «*Сливки летописей, сообщающих о сельджуцких эмирах и государях*»). Пер. З.М. Буниятов. М.: Восточная литература, 1980 [Sadr ad-Din ‘Ali al-Husayni. *Ahbar ad-Daulat as-Seldzhukijja (Zubdat at-tavarikh fi ahbar al-umara va-l-muluk as-seldzhukijja)* (“*Reports on the Seljuk State*”. “*The Cream of Chronicles, Telling about the Seljuk Emirs and Lords*”). Z.M. Buniyatov (tr.) Moscow: Vostochnaya literatura, 1980 (Russian translation)].

Тимохин Д.М. Катаванская битва 1141 г. в мусульманских источниках XII – начала XIII в. *Бартольдовские чтения.* Редколлегия: А.Д. Васильев, В.Н. Настич, Д.М. Тимохин. М.: ИВ РАН, 2023(1). С. 276–302 [Timokhin D.M. The Katavan Battle of 1141 in Muslim Sources of the 12th – early 13th Centuries. *Bartold Readings.* A.D. Vasiliev, V.N. Nastich, D.M. Timokhin (eds.) Moscow: IOS RAS, 2023(1). Pp. 276–302 (in Russian)].

Тимохин Д.М. «Огузская смута» 1153 г. и ее последствия по данным мусульманских источников. *Патриарх отечественной тюркологии: Сборник статей памяти Д.Д. Васильева.* Отв. ред. А.Д. Васильев и др. Москва: ИВ РАН, 2023(2). С. 165–184 [Timokhin D.M. “The Oghuz Unrest” of 1153 and its Consequences According to Muslim Sources. *Patriarch of Russian Turkology: Collection of articles in memory of D.D. Vasiliev.* A.D. Vasiliev et al. (eds.) Moscow: IOS RAS, 2023(2). Pp. 165–184 (in Russian)].

Тимохин Д.М. Отражение глобальных событий на региональном уровне: описание монгольского нашествия в составе арабо-персидских «локальных историй». *Проблемы истории и источниковедения Ближнего Востока и Северной Африки в Средние века и Новое время.* Отв. ред. Д.Е. Мишин. М.: ИВ РАН, 2023(3). С. 8–27 [Timokhin D.M. Reflection of Global Events at the Regional Level: Description of the Mongol Invasion as Part of the Arab-Persian “Local Stories”. *Problems of the History and Source Studies of the Middle East and North Africa in the Middle Ages and Modern Times.* D.E. Mishin (ed.) Moscow: IOS RAS, 2023(3). Pp. 8–27 (in Russian)].

Тимохин Д.М. Кочевые тюркские племена и их роль в политической истории Мавераннахра в XII в.: на примере карлуков. *Восток (Oriens).* 2024. № 1. С. 59–69 [Timokhin D.M. Nomadic Turkic

tribes and their role in political history of Transoxiana in XII century: on the example of Qarluks. *Vostok (Oriens)*. 2024. No. 1. Pp. 59–69 (in Russian)].

ТИМОХИН Д.М., ТИШИН В.В. Маркер *qara* в тюркской этнонимике XII в. *Золотоордынское обозрение*. 2024. Т. 12. № 1. С. 8–19 [Timokhin D.M., Tishin V.V. The Marker *qara* in Turkic Ethnonyms of the 12th Century. *Golden Horde Review*. 2024. Vol. 12. No. 1. Pp. 8–19 (in Russian)].

Afzal al-Din Kermānī. *Ketab-e 'Eqd al-'olā le'l-mawqef al-'lā*. Bastani Parizi (ed.) Tehran: Rouzbehan, 1977 (in Persian).

Afzal al-Din Kermānī. Tarih-i Afzal ya Badaye' al-zaman fi wakaye'e Kerman. Tehran: Chaphaneye Daneshgah, 1947 (in Persian).

Bosworth C.E. Malek Dīnār. *The Encyclopaedia Iranica*. E. Yarshater (ed.) Vol. VII. Fasc. 4. Costa Mesa: Mazda Publishers, 1996. P. 416.

Histoire des seldjoudides de l'Iraq par al-Bondari d'après Imad ad-din al-Katib al-Isfahani. *Recueil de textes relatifs a l'histoire des seldjoudides*. M.Th. Houtsma (ed.) Vol. II. Leiden: E.J. Brill, 1889 (in Arabic).

A history of Persian literature. Vol. X: Persian historiography. Ch. Melville (ed.) London; New York: I.B. Tauris, 2012.

Ibn-el-Athiri Chronicon quod perfectissimum inscribitur. Vol. 12: Annos H. 584–628. C.J. Tornberg (ed.) Upsaliae: C.A. Leffler, 1853 (in Arabic).

Ibn-el-Athiri Chronicon quod perfectissimum inscribitur. Vol. 11: Annos H. 527–583. C.J. Tornberg (ed.) Leiden; Uppsala: E.J. Brill, 1876 (in Arabic).

Köymen M.A. Kirman Selçukluları tarihi. *Ankara Üniversitesi Dil Ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi*. 1943. No. 2(1). S. 127–134 (in Turkish).

Merçil E. *Kirman Selçukluları*. Ankara: Türk Tarih Kurumu basımevi, 1989 (in Turkish).

Mohammad ibn Ibrahim. *Tavvarih-e al-e saljouk. Recueil de textes relatifs a l'histoire des seldjoudides*. M.Th. Houtsma (ed.) Vol. I. Leiden: E.J. Brill, 1886. (in Persian).

Mohammad Ravandi. *Rahat as-sudur va ayat as-sorur*. Mohammad Iqbal (ed.) Leiden; London: Luzac & Co., 1921 (in Persian).

Najm al-Din Abu l-Riza al-Qummi. *Tarih al-Wuzara*. Muhammed Taki Dānish-Pazūh (ed.) Tehran: Muassase-i Motalaat va Tahkikat-i Farhangi, 1985 (in Persian).

Nasir ad-Din Munshi Kermānī. *Simt al-'ulii li'l-hadra al-'ulya*. I. 'Abbas (ed.) Tehran: Sherkat Sahami Chap, 1328/1949 (in Persian).

Roosta J. An Examination of Khaje Atabak's Tomb, a Remained Memorial Monument from Seljuks' Era in Kerman. *Journal of Universal History Studies*. 2019. No. 2(2). Pp. 351–370.

Sümer F. Oğuzlar (Türkmenler): tarihleri, boy teşkilâtı, destanları. Ankara: Ankara üniv. basımevi, 1972 (in Turkish).

Ta'rikh-i Fakhru'd-Din Mubarakshāh, Being the Historical Introduction to the Book of Genealogies of Fakhru'd-Din Mubarakshāh Marvar-rūdi Completed in A.D. 1206. E. Denison Ross (ed.) London: Royal Asiatic Society, 1927 (in Persian).

Ta'rikh-i Jahān-gushā of 'Alā'u d-Din 'Aṭa Malik-i Juwaynī (composed in A.H. 658 = A.D. 1260). M. Qazvīnī (ed.) Leyden: E.J. Brill; London: Luzac & Co., 1916 (in Persian).

Zahir ad-Din Nishaburi. *Salguk-name*. Tehran: Chaphaney-e Havar Tehran, 1953 (in Persian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ТИМОХИН Дмитрий Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН (ИЛИ РАН), Санкт-Петербург, Россия.

Dmitriy M. TIMOKHIN, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia.